

18+ (брань)

Али Смит

ВЕ С НА

НОВЫЙ РОМАН ОТ АВТОРА
«ОСЕНИ» — ФИНАЛИСТА БУКЕРА

Али Смит
Весна
Серия «Литературные
хиты: Коллекция»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48590906

Весна: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-106585-0

Аннотация

Третья часть Сезонного цикла.

Что объединяет Кэтрин Мэнсфилд, Чарли Чаплина, Шекспира, Бетховена, Рильке, прошлое, север, юг, запад, восток, мужчину, жалеющего о прошлом, и женщину, запертую в настоящем?

Весна, великий соединитель.

Во времена стен и границ Смит открывает двери. Во времена, заикленные на прошлом, Смит рассказывает историю настоящего. Во времена обесценивания искусства Смит создает роман-метакомментарий об искусстве.

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

6
77

Али Смит

Весна

Ali Smith
Spring

© Нугатов В., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

На память о моем брате Гордоне Смите

и посвящается моему брату Эндрю Смиту

на память о моей подруге Саре Дэниэл

и посвящается ах, какой цветущей! Саре Вуд

*По виду он как будто чужеземец. Его эмблема –
высохшая ветка С зеленою верхушкой, а девиз – In
has spe vivo.*

Уильям Шекспир¹

Может быть, мертвые нас разбудили бы

---

¹ В этой надежде я живу (лат.). «Перикл, царь Тирский», акт I, сцена 2. Пер. Т. Гнедич. – Здесь и далее прим. перев.

знаменьем неким? Явили бы нам хоть сережки на
голой лещине Или дождик весенний, Падающий на
темное царство земное.

Райнер Мария Рильке²

Мы должны начать – вот в чем суть. После
Трампа – мы должны начать.
Ален Бадью

Уже ищу приметы Весны.
Кэтрин Мэнсфилд

Год потянулся, как дитя, И на свету протер
глазенки.
Джордж Маккей Браун³

---

² «Дуинские элегии», Элегия десятая. Пер. В. Микушевича.

³ Джордж Маккей Браун (1921–1996) – крупнейший шотландский поэт XX в.

1

Фактов мы уже не хотим. Неразберихи мы хотим. Повторения мы хотим. Повторения мы хотим. Чтобы люди во власти говорили правда это не правда мы хотим. Чтобы избранные члены парламента говорили у нее во лбу торчал и изгибался нагревающийся нож мы хотим что-то типа приноси свою удавку мы хотим чтобы члены парламента от правящей партии кричали в палате общин убейте себя членам парламента от оппозиции мы хотим чтобы влиятельные персоны говорили что они хотят чтобы других влиятельных персон разрубили на куски рассовали по пакетам и спрятали в морозилку мы хотим шуток над мусульманками в газетных колонках мы хотим смеха мы хотим чтобы этот смех звенел им вслед куда бы они ни шли. Чтобы люди которых мы называем иностранцами ощущали себя иностранцами мы хотим нам нужно четко показать что у них не может быть никаких прав пока мы не разрешим. Отвлекающих грубых оскорблений мы хотим. Сказать что мышление элитарно знание элитарно нам нужно чтобы люди чувствовали себя обделенными и ущемленными нам нужно чтобы люди чувствовали нам нужно. Паника нам нужна подсознательной паники мы хотим и сознательной паники мы тоже хотим. Нам нужны эмоции нам нужен праведный гнев нам нужна злоба. Нам нужен весь этот патриотизм. Все того же старого Скандала

с матерями-алкоголичками Опасностей ежедневного приема аспирина мы хотим но чтобы еще экстреннее Nein Nein Nein нам нужен хештег #линейно мы хотим Дайте нам то чего мы хотим а не то мы пойдем мы хотим ярости мы хотим произвола мы хотим самых эмоциональных слов антисемит – хорошо нацист – здорово педофил ей-богу самое то извращенцы иностранцы нелегалы мы хотим инстинктивной реакции мы хотим Подтверждения возраста для «детей-мигрантов» 98 % требуют запретить приток новых мигрантов боевых вертолетов для остановки потока мигрантов сколько еще мы можем принять заприте двери спрячьте своих жен мы хотим нулевой толерантности. Нам нужны новости телефонного размера. Нам нужно обходить официальные СМИ. Нам нужно смотреть мимо интервьюера говорящего прямо в камеру. Нам нужно доносить совершенно ясную мощную безошибочную идею. Нам нужна шоковая лента новостей. Нам нужно больше шоковой ленты новостей быстрых обновлений следующей шоковой ленты новостей хватит сачковать мы хотим фотографии пыток. Нам нужно до них добраться нам нужно чтобы они думали что мы можем до них добраться применять слово *линчевание* ко всем кроме белых. Мы хотим круглосуточных угроз изнасилования и угроз расправы чернокожим/женщинам – членам парламента нет только женщинам занимающимся любой публичной деятельностью всем кто занимается любой публичной деятельностью нам это не нравится нам нужно Что

она себе позволяет/Что он себе позволяет/Что они себе позволяют. Нам нужно подсказать внутреннего врага. Нам нужны враги народа мы хотим чтобы их судей называли врагами народа мы хотим чтобы их журналистов называли врагами народа мы хотим чтобы людей которых мы решим называть врагами народа называли врагами народа мы хотим говорить вслух снова и снова во всех возможных теле- и радиопередачах о том как нам затыкают рты. Нам нужно повторять все старье как будто это что-то новое. Нам нужно чтобы новости были такими как мы скажем. Нам нужно чтобы слова означали то что мы скажем. Нам нужно отрицать то что мы говорим пока мы говорим. Нам нужно чтобы было не важно что означают слова. Нам нужен добрый старый девиз Британия а не Англия/Америка/Италия/Франция/Германия/Венгрия/Польша/Бразилия/[впишите название страны] превыше всего. Нам нужны социальные сети с интернет-алгоритмами зарабатывания темных денег. Нам нужно говорить что мы это делаем ради свободы слова. Нам нужны боты нам нужны стереотипы нам нужно дарить надежду. Нам нужно говорить это новая эра старая эра кончилась их время прошло настало наше время. Нам нужно широко улыбаться пока мы это говорим нам нужно смеяться на камеру ха-ха-ха бабах мужчина умирает со смеху слышишь фабричный гудок в конце рабочего дня та фабрика закрылась новый фабричный гудок – это мы это мы были все время нужны этой стране это мы вам нужны это нас вы хотите.

Нужды мы хотим.

Хотелка нам нужна.

Что, снова *то* время? (Пожимает плечами.)

Меня это ничуть не касается. Все это лишь прах да вода. Вы всего лишь костяной порошок да вода. Хорошо. В конце концов мне же больше пользы.

Я ребенок, погребенный в листве. Листва прогнивает: вот и я.

Или представьте крокус в снегу. Видите оттаявшее кольцо вокруг крокуса? Это дверь, распахнутая в почву. Я зелень луковицы и миг расщепления семени, распускание лепестка, проклевывание кончиков ветвей на деревьях – их зелень как будто пылает.

Растения пробиваются сквозь мусор и пластик, рано или поздно они появляются, несмотря ни на что. Растения двигаются под вами несмотря ни на что, люди на потогонках, люди на гонках, люди сидят за столами, освещенные экранами, или же листают телефоны в приемных врача, протестующие кричат, где бы то ни было, в каких бы то ни было странах и городах, движется свет, цветы кивают рядом с грудями трупов и рядом с местами, где вы живете, и с местами, где вы пьете до отупения, до радости или печали, и с местами, где вы молитесь вашим богам, и огромными супермаркетами, люди на автострадах мчатся вдоль зарослей и обочин, как ни в чем не бывало. Бывало всё. Распускаются бутоны

над незаконной свалкой. Свет движется поверх ваших барьеров, вокруг людей с паспортами, людей с деньгами, людей без ничего, мимо сараев, каналов, соборов, ваших аэропортов, ваших кладбищ, что бы вы ни хоронили, что бы вы ни выкапывали, чтобы назвать это своею историей, или детально ни изучали, чтобы перевести это в деньги, свет движется несмотря ни на что.

Истина – это такое «несмотря ни на что».

Зима для меня – пустой звук.

Вы думаете, я не знаю о власти? Думаете, я родилась зеленой?

Да, родилась.

Испортите климат – и я изгажу вам жизнь. Ваша жизнь для меня – пустой звук. В декабре выдерну из земли нарциссы. В апреле занесу снегом вашу входную дверь и повалю вон то дерево, чтобы оно проломило вам крышу. Точно ковром, устелю рекою ваш дом.

Но только из-за меня вновь оживает ваш сок. Я пушу вам по венам свет.

Что сейчас под поверхностью вашей дороги?

Что под фундаментом вашего дома?

От чего коробятся ваши двери?

Что расцвечивает весь мир свежими красками? В чем разгадка птичьего пенья? Отчего формируется клювик внутри яйца?

Что направляет тончайший зеленый побег сквозь скалу,

так что скала расщепляется?

Сейчас 11.09, утро вторника в октябре 2018 года, и Ричард Лиз – теле- и кинорежиссер, человек, которого большинство помнит по нескольким, ну ладно, парочке благо-склонно принятых критикой выпусков «Пьесы дня»⁴ в 1970-х, а также по множеству всего прочего за эти годы, я хочу сказать, вы наверняка видели что-то из его работ, если живете уже достаточно долго, – стоит на перроне где-то на севере Шотландии.

Почему он здесь?

Неправильный вопрос. Он подразумевает наличие истории. Но никакой истории нет. С историями он покончил. Он самоустранился из истории, точнее, из истории о Кэтрин Мэнсфилд, Райнере Мария Рильке, бомжихе, увиденной вчера утром на тротуаре у Британской библиотеки, и, вдобавок ко всему этому, о смерти своей подруги.

Выкиньте в мусорку все написанное выше о том, что он режиссер, о котором вы слышали либо не слышали.

Он просто человек на вокзале.

На вокзале пока затишье. Задержки означают, что никакие поезда не прибывали на вокзал и не отправлялись с него, пока человек стоял на перроне, и, значит, вокзал вроде как

---

⁴ «Пьеса дня» – серия программ, выпускавшихся Би-би-си в 1970–1984 гг. Включала как оригинальные телеспектакли, так и адаптированные театральные пьесы и романы.

отвечает потребностям человека.

На перроне больше никого нет. На перроне напротив никого нет тоже.

Наверное, где-то здесь люди – они работают в офисе или присматривают за этим местом. Наверняка людям все еще платят за то, чтобы они лично присматривали за подобными местами. Наверное, кто-то смотрит где-то в экран. Но человек не видел реальных людей. Выйдя из гостевого дома и пройдясь по главной улице, он увидел лишь, как кто-то вошел в открытое окошко одного из этих привокзальных грузовиков с кофе, одного из этих фургонов «ситроен», никого при этом не обслуживая.

Не то чтобы человек кого-то искал. Он не ищет, и никто – никто важный – не ищет его.

Где же, блядь, этот Ричард?

Его мобильный – в Лондоне, в недопитом высоком кофейном стакане, закрытом крышкой и лежащем в мусорном контейнере «Прет-а-манже» на Юстон-роуд.

Вернее, был там. Человек без понятия, где его телефон может находиться сейчас. В мусоросборнике. На свалке.

Хорошо.

Алло, Ричард, это я, Мартин Терп должен быть с минуты на минуту, можешь примерно сказать, когда приедешь? Алло, это снова я, Ричард, просто хотел тебе сообщить, что Мартин только что прибыл в офис. Есть возможность перезвонить мне и сообщить, когда тебя ждать? Ричард,

это я, можешь мне перезвонить? Алло, Ричард, снова я, просто пытаюсь перенести сегодняшнюю встречу, учитывая, что Мартин в Лондоне только до вечера, он не приедет в город до следующей недели, так что перезвони мне и сообщи насчет после обеда, хорошо? Спасибо, Ричард, буду очень благодарен. Алло, Ричард, пока тебя не было, перенес нас на четыре часа, пожалуйста, подтверди, когда получишь это сообщение, что получил это сообщение?

Нет.

Он стоит на ветру, сложив руки и прижимая полы куртки, чтобы не распахивались (холодно, пуговиц нет, пуговицы потерялись), и смотрит на белые пятнышки на асфальтированном перроне у себя под ногами.

Он глубоко вздыхает.

На пике вдоха легким больно.

Он смотрит в сторону гор за городом. Это что-то реальное. Они реально суровые и настоящие – все, что может значить гора.

Он вспоминает собственную квартиру в Лондоне. Наверное, пылинки висают в солнечном свете, что пробивается сквозь щели жалюзи, если в Лондоне сейчас солнечно.

Посмотрите, как он превращает свою отлучку в историю. Превращает в историю собственную пыль.

Все, хватит. Это человек, прислонившийся к колонне на вокзале. И все.

Это викторианская колонна. Чугунные украшения на ней

выкрашены белым и черным.

Затем он отступает под краешек просвечивающей крыши над перроном, подходит чуть ближе к зданиям, чтобы укрыться от ветра.

Над вершинами нескольких из вон тех гор что-то наподобие дождевой тучи, как будто вершины – под покрывалом. Туча с другой стороны – он бы сказал, южной – похожа на стену, причем освещенную сзади. Туча над горами на севере и северо-востоке похожа на мглу.

Вот почему он сошел здесь с поезда: поезд подъехал к вокзалу, и в этих горах было что-то чистое, будто их начисто вымели. Они словно признавали факт собственного присутствия и ничего не требовали. Просто были.

Сентименталист.

Мифотворец.

Автоматический голос над головой снова извиняется за то, что в данный момент ни один поезд не прибывает на вокзал и не отправляется с него.

Почти ничего не происходит, не считая автоматических объявлений, несколько птиц перечеркивают небосклон, шорох ранней осенней листвы, бурьяна и травы на ветру.

Человек, стоящий на вокзале, смотрит вокруг себя на горы вдалеке.

Сегодня они похожи на линию, проведенную огромной рукой, а затем растушеванную внизу, похожи на кого-то спящего и выжидающего. Они похожи на доисторические спи-

ны спящих вымышленных морских тварей.

История о горах.

История о том, как я сам избегаю историй.

История о том, как я схожу с блядского поезда.

Он качает головой.

Он был человеком на перроне. *Никакой истории не было.*

Хотя она и есть. Она всегда, сука, есть.

Почему он стоял на вокзальном перроне? Ждал поезда?

Нет.

Куда-нибудь ехал? С какой целью? Встречал кого-то на вокзале?

Нет.

Тогда зачем человек вообще стоял на перроне, если он не сел на поезд и не ждал его?

Просто стоял – ладно?

Почему? А почему ты, неудачник, говоришь о себе в прошедшем времени?

Ну да, неудачник. Так и есть. Что-то не удалось. Не удается.

Что? Что именно?

Ну, не знаю, как это объяснить.

Попробуй.

(Вздыхает). Не могу.

Попробуй. Давай. Ты должен быть мистером Спектаклем.

На что это похоже?

Ладно. В общем, представьте кого-то или что-то, ту или

иную силу, которая набрасывается на вас очертя голову и проходит сквозь вас с головы до пят, проходит ножом для удаления сердцевины яблока, а вы продолжаете стоять, как будто ничего не произошло, тогда как на самом деле что-то *произошло*: вы стали полым человеком, и там, где раньше была ваша сердцевина, теперь сквозное отверстие. Это устроит?

Себялюбец. Отброс. Персонаж мультика про Тома и Джерри. Что, ты хочешь сочувствия к собственной пустотелости? Своей – что? Утраченной, сука, *плодовитости*?

Послушай, я пытаюсь облечь словами то, что чувствую, – чувство, которое нелегко описать, облечь в...

Не делай мне тут из себя историю, ты пустая трата...

...времени, когда он еще был способен любить, буквально влюбляться, на фактическом душевном уровне быть без ума от чего-то такого, как, например, простота лимона. Ну, любого лимона – в миске, на лотке или в сетке с другими лимонами, выставленными на продажу в супермаркете. Было время, когда подобные вещи наполняли его радостью.

Но теперь подобная простота стала слишком маленькой и далекой, так что он этого даже не заметил. И стоял на палубе старого океанского лайнера, устремлявшегося в бурное море, и махал, как безумец, повернувшись обратно к берегу, который, подобно тому времени, когда еще ощущалась неизменная радость от чего-то такого, как, например, простота лимона, пропадал, бесследно исчезал, полностью скрывался

с глаз.

Скрылся с глаз.

Неудачник.

Когда он вспоминает, как познакомился с Пэдди, в памяти всплывает почти пятидесятилетней давности черно-белый снимок со следами от зубов на кусочке шоколада – уже таком старом к тому времени, когда он его увидел, что тот буквально побелел, особенно там, где остались отпечатки от ряда маленьких зубов. Это были зубы Беатрис Поттер. В какой-то момент Беатрис Поттер откусила кусочек от шоколада, а потом положила и забыла его под навесом, где писала и иллюстрировала книги об очаровательных английских зверушках в сильно зауженных брюках, – зверушках, которые вели себя то хорошо, то плохо, то глупо: лиса подлизывалась к утке, а белка так объедалась орешками, что не могла вылезти из дупла в стволе дерева. Беатрис Поттер надкусила плитку довоенного шоколада, и отпечаток зубов на десятки лет пережил ее саму – там, в лачуге – после смерти писательницы в тысяча девятьсот каком-то там году.

Он был помощником помощника режиссера – одна из самых первых его должностей. Он впервые работал по сценарию, написанному Пэдди.

Благодаря ее сценарию довольно банальная фотосессия превратилась во вдумчивый фильм. Более того, она вписала в сценарий кадры со следами зубов на шоколаде, так что по-

неволе пришлось эти кадры использовать.

Он выведал у кого-то ее адрес и связался с ней, когда ему предложили первую индивидуальную работу. Он угостил ее виски в «Висельнике». Ему недавно исполнился двадцать один год. Он никогда раньше не угощал никого виски в пабе, не говоря уж о женщине, не говоря уж о такой зрелой пленительной женщине, как она.

— *Потому что я ирландка?*

— *Потому что вы мастер.*

— *Так уж вышло, что я мастер, тут не поспоришь. Я большой-пребольшой мастер в своем деле. Ну а вы — мастер? Я хочу работать только с самыми большими мастерами.*

— *Пока не знаю. Наверное, нет. У меня, скорее, ищущий интерес. Но вы же их взяли — зубы на шоколаде. Вы их туда вписали.*

— *Ага, у вас наметанный глаз. Этого не отнимешь. И вы очень молоды. Так что еще много шансов. И вы хотите, чтобы я работала с вами, потому что я вписала что-то в сценарий и пришлось использовать ваши снимки? Так, что ли?*

— *Честно? Я получил эту работу благодаря вашему сценарию.*

(Она качает головой, отворачивается к двери паба.)

— *Но вы еще и улучшили этот фильм. Благодаря вашему сценарию произошло что-то настоящее.*

— *Настоящее?*

(Пауза. Сигарета, затяжка, выдохнутый дым.)

– Ладно.

– Ладно? Серьезно? Вы согласны?

– Ладно, поработаю с вами. «Пьеса дня», значит? Ладно. При условии, что мы сделаем нечто большее, чуть более неожиданное для программы.

– В каком смысле неожиданное?

– Есть разные способы пережить наши времена, Дубль-тык, и, думаю, один из них – форма, которую принимает рассказ.

Вчера утром, ровно через месяц после прощания (ее негласно кремировали незадолго до этого, он даже не знает когда – только близкие родственники), он шагнул по Юстон-роуд и, проходя мимо Британской библиотеки, увидел женщину, сидевшую, прислонившись к стене: за тридцать, возможно, даже до тридцати, одеяла, квадрат картона, оторванный от коробки, на котором написана просьба о деньгах.

Нет, не о деньгах. Там были написаны три слова: «пожалуйста», «помогите» и «мне».

Даже в то утро, проходя по городу, он видел бомжей без счета. В наши дни к бомжам снова применяют выражение «без счета»: любой старый левак типа него знает, что на самом деле происходит. Тори вернулись домой, а люди вернулись на улицу.

Но он почему-то замечает ее. Одеяла грязные. Босые но-

ги на тротуаре. Он еще и слышит ее. Она поет ни для кого – точнее, для себя – необычайно приятным голосом, хотя только без четверти восемь утра. Слова такие:

*тысячи тысяч людей
все бегут и бегут по улице
ох, ничего, ничего, ничего
ох, ничего, ничего, ничего
ох, ничего*

Ричард продолжает идти. Перестав продолжать идти, он как раз минует вход на вокзал Кингс-кросс. Разворачивается и входит туда, как будто собирался сделать это с самого начала.

Посредине вестибюля, под гигантским Красным маком⁵, стоит киоск. Там продается шоколад в форме домашней утвари и инструментов: молотки, отвертки, плоскогубцы, столовые приборы, чашки и так далее. Можно купить шоколадную чашку, шоколадное блюдо, шоколадную чайную ложку и даже кофеварку эспрессо для кухонной плиты (плита дорогая). Шоколадные предметы чрезвычайно реалистичны, и у киоска толпа народу. Мужчина в костюме покупает что-то похожее на настоящий кухонный кран из посеребренного шоколада: продавщица бережно кладет изделие в коробку, предварительно выложив ее соломой.

---

⁵ Красный мак – символ памяти жертв Первой мировой войны, а впоследствии – всех военных и гражданских вооруженных конфликтов.

Ричард вставляет карточку в один из билетных автоматов. Вводит название самого дальнего места, до которого идет поезд.

Садится в поезд.

Едет на нем полдня.

Примерно за час до того, как поезд прибывает в конечный пункт назначения, он увидит в окно горы на фоне неба и решит сойти в этом месте. Что мешает ему сделать так, как хочется, – сойти не в том месте, что указано в билете?

Ох, ничего, ничего, ничего.

Кингасси рифмуется со словом «фигассе» – так, он всегда думал, это произносится: как говорит механический диктор в репродукторах лондонского вокзала Кингс-кросс у него над головой, когда он садится в поезд.

Киньюси – так это произносят люди в гостевом доме, в дверь которого он стучит, когда туда добирается. Наверное, они насторожатся. Кто сейчас не бронирует номер заранее на телефоне? У кого сейчас нет телефона?

Он сядет на край чужой кровати в гостевом доме. Сядет на пол между кроватью и стенкой, чтобы собраться с мыслями.

Завтра его одежда пропитается запахом освежителя воздуха, висящим в номере, где он проведет ночь.

11:29. Автоматический голос извиняется по вокзальной громкой связи, что поезд Шотландских железных дорог, прибывающий с Эдинбургского вокзала Уэйверли в 11:08,

задерживается в связи с чрезвычайным происшествием к югу от Кингасси; что поезд Шотландских железных дорог, прибывающий в 11:09 и следующий в Инвернесс, задерживается в связи с чрезвычайным происшествием к югу от Кингасси; что поезд Шотландских железных дорог, прибывающий в 11:35 из Инвернесса, задерживается в связи с проблемами сигнализации и что поезд Шотландских железных дорог, прибывающий в 11:36 и следующий до эдинбургского вокзала Уэйверли, задерживается в связи с проблемами сигнализации.

Проблемы канализации, – говорит Ричард своей воображаемой дочери.

Это требует серьезного бойкота, – говорит воображаемая дочь.

(Воображаемая дочь по-прежнему с ним, хотя Пэдди уже умерла.)

Всякий раз, когда он не уверен, что означает какое-нибудь особо злободневное явление, он спрашивает свою воображаемую дочь. Например, #metoo.

Это означает, что ты тоже подразумеваешься, – ответила воображаемая дочь.

Потом она рассмеялась.

Что такое хештег? – спросил он ее.

Вот уже пару десятков лет ей около одиннадцати. Он знает, что патриархально, неправильно с его стороны не позволять ей, по крайней мере, до сих пор, вступить во взрослую

жизнь. (Он считает, что он, вероятно, не единственный, далеко не единственный отец, который к этому склонен и поступил бы так, если бы мог.)

Хештег – совсем не то же, что хашбраун, – сказала воображаемая дочь. – Не пытайся его съесть. Ну, или выкурить.

Ради своей реальной дочери, где бы на свете она ни находилась, если предположить, что она еще на этом свете, он зашел в интернет выяснить, что же это на самом деле означает.

Давно было пора, – подумал он затем.

После этого он две недели не спал, одну ночь за другой не смыкал глаз до четырех утра, терзаясь из-за тех случаев, когда считал, что нормально вести себя, как ему хочется, с женщинами, с которыми он тогда был. Он перелапал множество ног. Воспользовался множеством случаев. Ему сплошь да рядом везло. Никто не жаловался.

Во всяком случае, ему.

Через две недели он снова начал спать. Слишком устал не спать.

Знаешь, порой я вел себя немного по-скотски, – мысленно сказал он своей воображаемой дочери.

На меньшее я и не рассчитывала, – сказала воображаемая дочь.

Знаешь, порой я вел себя немного по-скотски, – мысленно сказал он своей настоящей дочери.

Молчание.

Прошлый март. За пять месяцев до ее смерти. Он плывет по многомильному тротуару, покрытому снежной жижей, от своего к ее дому. Звонит в дверь. Его выпускает один из близнецов. Пэдди – в глубине дома. Она слышит его в прихожей и выкрикивает:

Это мой ненаглядный король искусств?

Она такая худая, что кажется, будто у нее сломается рука, если она поднимет кружку чая. Но ее дух веет на него во всю штормовую силу, когда он входит: и волосы у него длинноваты, и откуда у него пятна на рубашке – чем ты вообще занимался, маньяка пожирал? Взгляни на свои штаны – у тебя что, ботинок нет? Взгляни на свою несчастную прелестную грудь колесом в ужасной заляпанной рубашке, Дик, кем ты себя возомнил – чертовым Периклом Тирским?

Периклом Задрочирским, – говорит он. – Шесть миль сквозь пургу, чтобы побеседовать с тобой об эффективном управлении.

Это ты-то задрочирский, самовлюбленный жулик? Это я тут умирающая женщина, – говорит она. – Да сними эти туфли, насквозь ведь промокли.

Ты никогда не умрешь, Пэдди, – говорит он.

Да нет, умру, – говорит она.

Да нет, не умрешь, – говорит он.

Повзрослей, – говорит она, – это не детское представление, мы все умрем, это просто современные нездоровые бредни, что мы не умрем, не ведись на них, и сейчас как раз

мой черед сесть в лодку с дыркой в днище, а не твой, так что отвали.

Мы все в одной и той же лодке, Пэд, – говорит Ричард.

Перестань воровать у меня трагедию, – говорит она. – Поставь туфли сверху на радиатор. Сними носки и повесь на радиатор. Дермот, принеси полотенце и поставь чайник на плиту.

Корабль либерального мира, – говорит он. – А мы-то думали, что будем вечно уплывать на этом корабле вдвоем в закат.

Все изменилось, причем кардинально, – говорит она. – Как там очертания корабля нового мирового порядка – вырисовываются?

Он смеется.

Очертания корабля в компьютерной игре, – говорит он. – Запрограммированном на то, чтобы подорваться на торпеде.

Людская изобретательность, – говорит она. – Нужно ей поаплодировать, раз уж она находит такие интересные новые способы наслаждения уничтожением вещей. Как у тебя дела, не считая конца либерально-капиталистической демократии? В смысле, рада тебя видеть, но чего тебе от меня надо?

Он рассказывает ей свои новости: как он недавно узнал, что приставлен подручным к Мартину Терпу.

Терп? О господи, – говорит она.

Знаю, – говорит Ричард.

Бог в помощь, а эта помощь тебе пригодится, – говорит она. – Подручным в чем? Чем заниматься-то?

Он рассказывает ей о романе про двух писателей, которые по случайному стечению обстоятельств живут в одном и том же швейцарском городишке и вокруг него в 1922 году, но так друг с другом и не встречаются.

Кэтрин Мэнсфилд? – спрашивает она. – Серьезно? Ты уверен?

Именно это имя, – говорит он.

Соседка Рильке? – спрашивает она. – И это правда?

На странице с благодарностями в конце книги клянутся, что правда, – говорит он.

Что за роман? – спрашивает она. – Написал-то кто?

Художественная проза, – говорит он. – Второй роман какой-то Неллы или Беллы. Много букв. Почти ничего не происходит.

И они поручили такой проект Терпу? – спрашивает она.

Это бестселлер. Попал во все шорт-листы, – говорит он.

Вот это меня меньше всего колышет, – говорит она. – И что, хороший?

В аннотации издания в обложке говорится об идиллическом мире и покое: подарок из прошлого, вас унесет, посмаковать, прочь от эпохи Брексита, и все такое, – говорит он. – Мне очень понравилось. Два человека ведут тихую писательскую жизнь и порой сталкиваются друг с другом в коридоре отеля. Одна заканчивает труд всей жизни, хоть еще и не

знает об этом. Она больна. Спасаясь от ссор с мужем, который живет выше на горе, она останавливается в этом отеле с подругой, с виду такой серой мышкой. Другой писатель, как ты сказала, его фамилия?

Рильке, – подсказывает Пэдди.

Этот уже окончил труд всей жизни в том же году, – говорит Ричард, – и поэтому измучен. В башне, где он живет, идет ремонт, так что он переселяется в этот же отель вниз по дороге, пока ремонт не закончится. Тот заканчивается, писатель возвращается домой и выезжает из отеля, как раз когда она приезжает вместе с подругой, похожей на выючную лошадь со всеми их чемоданами на спине. Но ему нравится, как там кормят, и поэтому он почти каждый вечер спускается туда на ужин. Это лыжный курорт, а действие происходит летом, так что в отеле, да и в самом городишке малоллюдно, и порой оба писателя оказываются недалеко друг от друга в одной и той же столовой. Порой они сталкиваются в садах отеля, и в романе довольно пространно описаны горы у них над головой и они сами внизу под горами, ну и так далее, короче, они просто живут своей жизнью со всеми этими величавыми Альпами на заднем плане.

И что же происходит? – говорит Пэдди.

Я только что пересказал весь сюжет, – говорит он.

Гмм, – говорит Пэдди.

Лето кончается, – говорит он. – Они так и не познакомились. Лошади, шляпки клош и маленькие жилеты, высокая

травы, цветы, луга с коровами, коровы с колокольчиками на шеях. Костюмная драма.

Она качает головой.

Но Терп, – говорит она. – Катастрофа. Можно как-нибудь отмазаться?

Он выставляет манжету своей рубашки, чтобы Пэдди увидела, как та обтрепалась. Потом выставляет манжету на другой кисти, тоже обтрепанную.

Хоть какой-нибудь сценарий видел? – спрашивает она.

Видел, – говорит он.

Террористки есть? – спрашивает она.

Оба смеются. В прошлом году они посмотрели вдвоем полный комплект айплеер-дисков «Национального доверия» – последней теледрамы Мартина Терпа, получившей восторженные отзывы во всех СМИ. Пять нашпигованных взрывами серий, от которых сердце екает в груди: полиция и сотрудники разведки расправляются с группой исламских террористок, что забаррикадировались с поясами смертниц в старинном особняке на севере страны, взяв в заложники нескольких граждан и новоиспеченного гида по исторической Англии.

Я пришел, чтобы сказать тебе, Пэдди: террористки – это не самое страшное, – говорит Ричард.

Он рассказывает, что Мартин Терп уже сдал серию черновых сексуальных сцен, от которых люди из британской телекомпании, изначально заказавшей экранизацию, и люди из

крупной дистрибьюторской интернет-компании, в основном спонсирующей фильм, пришли в полный восторг.

Сексуальные сцены? – переспрашивает Пэдди.

Он кивает.

Между Кэтрин Мэнсфилд и Райнером Мария Рильке? – переспрашивает она. – В каком, ты сказал, 22-м, что ли, году?

У него в башне, у нее в номере, в разных кроватях отеля, включая кровать ее подруги, чтоб лесбиянкам тоже было интересно, – подожди, я еще не закончил, – в садах отеля, в маленьком гроте, где обычно играет струнный квартет, в коридоре отеля, закутавшись в штору за цветочным горшком, и в бильярдной отеля на бильярдном столе: шары закатываются во все лузы. Комедийный трах.

Пэдди хохочет.

Я смеюсь не над комедийным трахом, – говорит она. – Ведь это не просто смехотворно, а еще и неправдоподобно. Во-первых, к 1922 году у Мэнсфилд уже был запущенный туберкулез. Она умерла от него в начале 1923-го.

Знаю, – говорит он. – Из-за ее запущенного туберкулеза у меня уже болит вот здесь.

Он берет ее худющую руку и кладет себе на грудь. Она улыбается ему, поднимает бровь.

Рыба плещет в воде, Дубльтык.

Соматизируй по полной⁶... С тех пор как они начали ра-

---

⁶ Намек на арию «*Summertime*» («Летней порой»), написанную в 1935 г. Дж.

ботать вместе, с «Моря проблем», когда за шесть недель съе-
мок он буквально стал, по ее словам, цвета ирландской зеле-
ни и она поставила ему диагноз «морская болезнь», Пэдди
развила следующую теорию: если то, над чем он работает,
начинает происходить с его собственным телом, то результат
получается волшебным, результат будет хорошим.

Он усмехается, отпускает ее руку.

Без тебя ничего хорошего не выйдет, – говорит он.

Тут я бы с тобой поспорила, но не могу, после того как
ты сказал, что Терп – это новая я, – говорит она. – И не
выводи меня еще больше. Я бы многое отдала, чтобы сде-
лать это вместе с тобой. Кэтрин Мэнсфилд. Боже, сценарий
о Кэтрин Мэнсфилд. И Рильке. Корифеи литературы, Мэнс-
филд и Рильке, в одном и том же месте, в одно и то же время.
Потрясающе.

А тебе не пофиг? – говорит Ричард.

Еще как не пофиг, – говорит она. – В Швейцарии Мэнс-
филд написала свои лучшие рассказы. А он заканчивал
«Элегии», писал «Сонеты к Орфею». Два светоча спуска-
лись во тьму, чтобы понять, как говорить о жизни и смер-
ти. Новаторы переосмысливали формы, которыми пользова-
лись. Там, в одной и той же комнате, в одно и то же время.
Сама мысль... От нее крышу сносит, если это правда, Дик.
Серьезно.

Гершвином для оперы «Порги и Бесс» и ставшую одним из популярных джазо-
вых стандартов.

Верю тебе на слово, – говорит он.

Она качает головой.

Рильке, – говорит она. – И Мэнсфилд.

Теперь-то Ричард припоминает – теперь-то до него наконец доходит. Наверное, Кэтрин Мэнсфилд – одна из множества писательниц, о которых Пэдди рассказывала ему с самого начала, писательниц, о которых она рассказывает ему десятки лет, а он никогда не слушает и не придает этому особого значения.

Он выдумывает на ходу, говорит, что всегда представлял себе Мэнсфилд, о которой она рассказывала все эти годы, такой себе викторианкой, тощей старой девой, слегка чопорной и целомудренной.

Чопорная и целомудренная! – говорит Пэдди. – Мэнсфилд!

Она хохочет.

Кэтрин-Мэнсфилд-парк⁷, – говорит она.

Ричард тоже смеется, хоть на самом деле и не догоняет, что же здесь смешного.

Она была авантюристка еще та, причем во всем смысле, – говорит Пэдди. – Сексуальная авантюристка, эстетическая, социальная. Жизнь, полная всевозможной любви, весьма рискованная для того времени – в смысле, она была бесстрашная. Беременела бог знает сколько раз, всегда не от того, от кого надо, выдала себя замуж фактически за незнаком-

---

⁷ «Мэнсфилд-парк» (1814) – воспитательный роман Дж. Остин.

ца, чтобы ее ребенок от кого-то другого был законным, а потом сделала аборт. В книге это есть?

Нет, – говорит Ричард. – Ничего подобного.

В Первую мировую проникла в тыл врага, – говорит Пэдди, – чтобы переспать со сражавшимся французским любовником. Чиновникам показала открытку, присланную якобы ее «тетушкой», просившей срочно приехать. Ее отправил любовник-солдат, подписавшись «Маргерит Бомбар». Бомбардировка маргаритками! Она шокировала и внушала отвращение всем, кто считал социальными революционерами *себя*: Вулф, Белл, Блумсбери – по сравнению с ней они казались обывателями. Они считали ее новозеландской дикаркой, колонисточкой. Короче, она была та еще пионерка.

Пэдди качает головой.

Но в 1922 году Мэнсфилд было тяжело даже держать на груди одеяло, – говорит она, – что уж говорить о сексе. В 1922-м, бог ты мой, насколько я знаю, она так ослабела, что еле добрела от повозки до дверей отеля. А в отелях на чахоточных смотрели косо, не хотели принимать у себя кашляющую девушку. Хотя, возможно, в Швейцарии по-другому, там ведь чахоточный туризм был отраслью индустрии.

Как это индустрии? – спрашивает Ричард.

Здоровый чистый воздух, – говорит она.

Откуда ты все про все знаешь, Пэдди? – спрашивает он.

Умоляю, – говорит Пэдди. – Не наезжай на меня за мои знания. Я вымирающий вид – из тех, кого все вокруг считают

больше неактуальным. Книги. Знания. Годы чтения. И что это значит? Что я кое-что *знаю*.

Потому-то я здесь, – говорит он.

Так я и подумала, – говорит она.

Она упирается в край стола и отодвигает назад стул. Хватается за стол и приподнимает себя. Делает паузу, поскольку, пока она вставала, закружилась голова. Она видит, как он напрягается, готовый прийти на помощь.

Не надо, – говорит она.

Она поворачивается к прихожей с рядами книг.

Думаю, тот Рильке, что у меня был, отправился в рай благотворительного магазина «Амнести», – говорит она. – Мужчина, красиво умерший задолго до того, как умер. «Взгляните на эту вазу с розами, – говорил он, – и забудьте обо всем, что отвлекает в так называемом реальном мире». Но женщина способна принять лишь немного ангелов и роз, лишь немного «смерти как средства выражения – войди в меня, а я в тебя, и вместе мы смертью смерть попрем». Особенно умирающая женщина. Впрочем, я несправедлива.

Она подводит себя ко входу в прихожую. Уравновешивает себя стеной, потом самими книгами и движется вдоль полки, пока не добирается до нужных букв алфавита.

Не-а, ни одного Рильке не осталось, – говорит она. – Сказала же тебе. Я была несправедлива. Но зато у меня для тебя навалом Мэнс-филд.

Она достает книгу, раскрывает ее, прислоняет и сама при-

слоняется к другим книгам и пролистывает. Захлопывает книгу и засовывает под мышку. Достает еще пару. Пока еще Пэдди хватается сил пройти через всю комнату, прижимая две-три книги в твердом переплете к груди. Она роняет их на стол перед ним. Он читает то, что попадаетеся на глаза, когда одна распахивается.

Пока я пишу это скучное письмо, бушует гроза. Она так красиво шумит, что хочется выйти на улицу.

Ха, – говорит он.

Пэдди улыбается. Потом она пару раз стучит клешней по дате вверху страницы, где стоит 1922 год. Возвращается к своему стулу и опускается в него.

Как раз подходящий для тебя год, – говорит она. – К чему причастен один из пяти миллионов живущих в мире в 1922 году?

Она поднимает брови – хочет увидеть, что скажет Ричард. Тот молчит. Он без понятия, что должен сказать.

Британская империя, – говорит она. – И, окидывая мысленным взором весь мир, разве не в это примерно время набирает силу Муссолини? Об этом что-нибудь есть в романе?

Ты же меня знаешь, – говорит он. – Возможно, я проглядел. Я не самый внимательный читатель на свете.

Ну и, возвращаясь домой, 1922 год – это убийство Майкла Коллинза, – говорит она.

Разумеется, – говорит Ричард, пытаясь вспомнить, кто же

такой Майкл Коллинз⁸.

Задумайся над этим, – говорит Пэдди. – Заваруха в Ирландии⁹. Новенький союз. Новенькая граница. Новенькие вековые ирландские массовые беспорядки. Только не говори мне, что все это снова не актуально в новеньком старом смысле.

Она закрывает глаза.

И, возможно, напомни Терпу об Уилсоне, – говорит она. – Это ему понравится: еще больше политических убийств. Я имею в виду Генри Уилсона – знаешь, кем он был¹⁰?

Э, – говорит Ричард.

Член кавалерийской бригады, командир времен Англо-бурской войны, начальник Императорского генерального штаба в Первую мировую, непримиримый ирландский юнионист, и когда республиканцы убили его возле его же дома, то плеснули бензином на уже подожженный фитиль – фитиль Гражданской войны в Ирландии. Но ты же все это знал, разве нет? Что еще? (Пэдди нет в комнате – она в облаках.) 1922-й. Год, когда все сколько-нибудь значимое в литерату-

---

⁸ Майкл Джон (Шон) Коллинз (1890–1922) – ирландский революционер, политический и военный деятель. Погиб в результате заговора.

⁹ Гражданская война в Ирландии 1922–1923 гг. между противниками и сторонниками сохранения страной статуса британского доминиона. Завершилась победой сторонников англо-ирландского договора.

¹⁰ Сэр Генри Хьюз Уилсон, 1-й баронет (1864 – 1922) – британский военный деятель, фельдмаршал. Убит террористами из Ирландской республиканской армии.

ре раскололось. Распалось на куски. На маргитских песках¹¹.
Безусловно, – озадаченно говорит он.

Я хочу сказать, – говорит она, – все это как на блюдечке, *да еще* и история в подарок. Реальные люди волей случая в одном и том же месте, и при этом ничего не знают, не знакомятся. Так близко сталкиваются. В нескольких сантиметрах. Это уже само по себе гениально. Но у одной военная машина отняла брата, а у другого почти отняла рассудок. А то, что они пишут, меняет всё. Они разрывают шаблон. Они модернисты. Такие, как Золя и Диккенс, передают эстафету таким, как Мэнсфилд и Рильке – двум великим бездомным писателям, великим изгоям. Она была новозеландкой, а он – кем он был? Австрийцем? Чехом? Богемцем?

В книге он довольно богемный, – говорит Ричард.

Не в этом смысле, – говорит она. – Послушай. Британская империя и Германская перемалывают друг друга, словно два исполинских жернова, миллионы уже погибли, а они снова собираются перемолоть другие миллионы в следующей войне. Это было бы что-то с чем-то, Дубльтык. Ей-богу, что-то с чем-то. Скажи Терпу. Тоска по обалденному имперскому прошлому.

Я тебя слышу, – говорит он. – Да.

И за всем этим, – говорит Пэдди. – Все, что может значить гора.

---

¹¹ Цитата из поэмы «Бесплодная земля» (1922) Т.С. Элиота, 3-ю часть которой он написал в Маргите.

В каком смысле, что может значить гора? – спрашивает Ричард.

Бог им в помощь в их швейцарской деревеньке, – говорит она, – и все эти огромные зазубренные акульи зубы Бога вокруг, как будто они уже на языке в гигантской пасти. В Швейцарии, так называемой нейтральной зоне, в воздухе тоже носятся споры следующей дозы имперского фашизма, которые переносятся по воздуху, как испанка.

Да, – говорит Ричард. – Точно.

(Боже, – думает он при этом. –

Что весь мир будет без нее делать?

Что я сам буду без нее делать?)

И это только начало, – произносит она. – Будет еще больше. Гораздо, гораздо больше. Я подумаю. Сделаю кое-какие заметки, хорошо, Дубльтык?

Ричарда переполняет физическое облегчение, как будто кто-то только что включил у него внутри теплый душ. Вполне возможно, он даже протекает от облегчения. Он смотрит на свою одежду, чтобы убедиться, что это не так. Это не так. Он снова поднимает голову.

Спасибо, – говорит он. – Пэдди, ты лучшая.

Но я не могу сделать все это за тебя, – говорит она.

Нет-нет, на это я даже не рассчитывал, – говорит он.

Он ей подмигивает. Она остается невозмутимой, с каменным лицом.

Ты и твои хотелки, – говорит она. – Да ты бы заставил ме-

ня прислать с того света историческое исследование, захороненное эссе – Рильке то, Мэнсфилд сё, и даже тогда бы пожаловался на почерк.

Пэдди, – говорит он.

Тебе придется думать своей головой, – говорит она.

Я недотепа, Пэд, – говорит он. – *Тебе* ли не знать.

Нет, у тебя всегда был талант: ты видел голоса, – говорит она.

Ха, – говорит он.

(Недаром он ее так любит.)

Но тебе придется быть жестким, – говорит она. – Жестче, чем ты есть. Придется быть готовым сказать Терпу, с чего начинать.

Сделай эти заметки, Пэд, – говорит он.

Всегда можешь справиться в своем стареньком iPad, – говорит она.

Их старая шутка. Они смеются, как школьники. Под сводом прихожей появляется близнец, впустивший его через входную дверь.

Нам кажется, что, возможно, вам лучше уйти, Ричард, – говорит он. – У мамы немного уставший вид.

Рабочее название? – спрашивает Пэдди.

Она говорит это так, словно близнеца здесь нет. Ричард тоже его игнорирует.

Такое же, как у романа, – говорит он. – Чтобы убедить людей, что это экранизация книги, которую купила тма на-

роду, а значит, должно быть что-то хорошее.

А сам роман как называется? – спрашивает она.

Апрель.

Ах, – говорит Пэдди. – Конечно. Какое название для книги. Апрель.

Она закрывает глаза. Вдруг она кажется очень уставшей.

Он натягивает еще мокрый носок. Встает без туфель, снимает их с радиатора и держит за задники.

Она сжимает на столе кулак.

Простые цветы нашей весны – вот что хотелось бы еще раз увидеть, – говорит она.

Ричард натягивает промокшую туфлю. Морщится от холода.

Так вот что означает «поджилки трясутся», – говорит он.

Оставайся, сколько хочешь, – говорит она, не открывая глаза. – Приготовь себе обед. Навалом всего в холодильнике.

Тебе что-то приготовить? – спрашивает Ричард.

О боже, нет, – говорит она. – Кусок в горло не лезет.

Мы уже обо всем позаботились, спасибо, Ричард, – говорит близнец.

Она не открывает глаза. Машет рукой в воздухе над столом.

Сколько захочешь, – говорит она. – И забирай с собой эти книги, когда будешь уходить. Бери все тома с письмами. Там есть еще, под литерой «М». На полках.

Я не возьму твои книги, Пэдди, – говорит он. – Я ни за

что не возьму твои книги.

Вряд ли они мне понадобятся, – говорит она. – Забери их.
По-прежнему 11:29.

Ричард вдыхает. Больно.

Все из-за Кэтрин Мэнсфилд.

Он слегка побаивается, что начнет «соматизировать» еще и лейкемию поэта Райнера Мариа Рильке.

Говорят, Рильке вышел в розарий, который выращивал вокруг башенки, и сорвал несколько роз, поскольку в гости к нему приехала прекрасная женщина из Египта и он хотел встретить ее с цветами. Однако поэт уколол кисть или руку шипом на стебле. Ранка не заживала. В руке началось заражение. Другая рука тоже опухла. Потом он умер.

Он написал великое множество стихов о розах – в этом есть ирония, даже Ричард мог ее разглядеть, хотя на самом деле Рильке не из тех поэтов, которых Ричард много читал: до этого года он даже не слышал о нем. Теперь, после того как Ричард пробежал глазами немного о Рильке в интернете, ему пришлось бы сказать в разговоре с Пэдди, что он не совсем догоняет: как дерево может вырасти в ухе? Там же мало места.

Однако Рильке-мужчина представляется обаятельным прохвостом, по крайней мере, судя по роману и тем отрывкам, что Ричард пробежал глазами: так, когда к нему в гости приходила дама, в какой-то момент он чинно вставал перед ней и читал стихотворение, а затем так же чинно дарил ей

перед уходом прочитанное стихотворение, переписанное его рукой и посвященное ей, а она уходила из башни, уверенная, что он написал это стихотворение специально для нее. На самом же деле стихотворения могли быть написаны за много лет до этого, и после смерти Рильке несколько дам с огорчением узнали, что он утилизировал с ними старые стихи – порой одно и то же стихотворение с несколькими женщинами.

Но обаяние, несомненно, открывало перед ним множество дверей, и Рильке явно не был хоть сколько-нибудь богат, но, будучи поэтом, нуждался в заботе патронов и матрон (можно так сказать – матроны, или это нефеминистично? Женщины не обидятся?). Особенно ему нравилось гостить у богачей в роскошных замках и дворцах. А кому бы такое не понравилось?

Но розовый шип... Стихи, подаренные дамам... Обаяние...

Говорят, и т. д.

Именно от этого Ричард и бежит, так ведь?

Ричарда вдруг начинает тошнить.

Его вполне может и *вправду* стошнить.

(Симптом лейкемии?)

Он озирается в поисках урны. Не хочется блевать на такой ухоженный перрон.

Тогда его воображаемая дочь говорит в ухе: Вряд ли ты блеванешь. Нельзя думать о том, нормально это или нет, когда тебя тошнит в каком-то месте, если тебя действительно

должно стошнить. А в ухе навалом места для дерева. Дерево в ухе. Роза в крови. Вспомни, где я сама-то живу.

Он снова проверяет время.

11:29.

Эти часы что, сломаны?

Одна-единственная минута и впрямь такая длинная?

Или сломаны часы, что находятся у него внутри?

Он выходит из вокзала и прохаживается перед фасадом в поисках чего-то реального, чтобы отвлечь внимание от некоторых других реалий.

Вон там высокое каменное сооружение – возможно, памятник жертвам войны. Он подойдет и прочитает имена погибших на его боках.

Но имен погибших там нет.

Вместо этого на дощечке, вставленной в камень, золотыми буквами написано:

ФОНТАН МАККЕНЗИ

ПОДАРЕН РОДНОМУ ГОРОДУ
ПИТЕРОМ АЛЕКСАНДРОМ МАККЕНЗИ,
ГРАФОМ ДЕ СЕРРУ-ЛАРГУ
ИЗ ТАРЛОГИ,
И ОТКРЫТ
ГРАФИНЕЙ ДЕ СЕРРУ-ЛАРГУ
21 ИЮЛЯ 1911 ГОДА

Это старый питьевой фонтан, в котором нет воды.

Ричард обходит его пару раз по кругу. Еще раз читает табличку. Как странно. Встреча Шотландии с Португалией – это же Португалия? Или Южная Америка? Он ошупью ищет свой телефон, для проверки.

Телефона нет.

Поэтому он идет напрямик к грузовику с кофе перед вокзалом.

Кофе *écossé*¹²

Отведай

нашей задушевности

В окошке никого нет. Он стучит по гофрированному металлическому боку.

Женщина гусеницей переползает через передние сиденья, сначала глухо ударяясь головой об пол. Вставая и появляясь в окошке, она кажется очень недовольной тем, что ее потревожили. Выглядит она заспанной. Кажется, она в спальном мешке, который прижимает к груди.

Да? – говорит она.

Трудный день, – говорит Ричард.

Она смотрит на него безучастно.

Я вас не разбудил? – спрашивает он.

Вы намекаете на то, что я сплю в этом фургоне? – спрашивает она.

---

¹² По-шотландски (*фр.*).

Он краснеет.

Нет, – говорит он.

Ну, так чем могу вам помочь? – говорит она.

Она не так молода, как он сперва подумал. Круги под глазами, лицо пожившее, поношенное на вид. Пятьдесят? Она видит, что он пытается определить ее возраст, и бросает на него саркастичный взгляд.

Я хотел спросить, есть ли здесь поблизости публичная библиотека, – говорит он. – Уверен, вы рады, что фонтан не работает. Еще бы, ведь он отхватывает у вас часть прибыли. Меня заинтересовала дощечка сбоку. В смысле, какое вообще отношение может иметь Серру-Ларгу к этому месту?

Библиотека закрыта, – говорит женщина.

Ричард качает головой со страдальческим видом.

В какое время нам довелось жить, – говорит он. – Что это за культура, которая хочет, чтобы народ ничего не знал? Что это за культура хочет, чтобы у некоторых людей было меньше доступа к знаниям и информации, чем у людей, которые могут за это заплатить? Это напоминает научную фантастику о тоталитарном обществе. Хороший получился бы фильм годах в 70-х, когда я был отчасти режиссером. За свои грехи. Я и до сих пор режиссер. Но сейчас другое время, ох, совсем другое. В наше время никто бы не поверил, расскажи мы им тогда, что будет сейчас. Я хочу сказать, это Рагнарёк.

Нет, это Кингасси, – говорит она.

Нет, – говорит Ричард. – Я хочу сказать, это конец света.

Я имею в виду закрытие библиотек.

Она не закрыта в смысле *закрыта*, – говорит женщина. – Она закрыта по вторникам.

О, – говорит Ричард.

Завтра откроется, – говорит женщина.

А, – говорит Ричард.

Что-нибудь еще? – спрашивает женщина.

Нет-нет, – говорит Ричард. – Нет, спасибо. Разве что...

Женщина выжидающе поднимает брови.

Вряд ли у вас есть такая вещь, как лимон, – говорит он.

Лимонад? – спрашивает женщина.

Нет, лимон, просто обычный лимон, – говорит он.

Нет, простите, ничего такого у нас нет, – говорит женщина.

Ну ладно, тогда возьму вот этого лимонада, – говорит он.

Вообще-то у нас нет никакого лимонада, – говорит женщина. – Нет в наличии.

Ладно, тогда возьму эспрессо, – говорит Ричард.

Извините, сегодня у меня в фургоне нет кипятка, – говорит женщина.

Ну, тогда яблочный сок, у вас есть яблочный сок? – спрашивает он.

Нет, – говорит женщина.

Хорошо, – говорит Ричард. – Тогда просто бутылку воды, пожалуйста.

Женщина смеется.

Меня всегда смешит, когда люди хотят купить в Шотландии бутилированную воду, – говорит она.

И все-таки.

Всегда, – говорит женщина.

Или с газом, если у вас другой нет, – говорит он.

Ох, воду мы не продаем, – говорит женщина.

Ну так что же у вас есть? – спрашивает он.

Вообще-то сегодня у нас в фургоне совсем ничего нет, – говорит женщина.

Почему же вы тогда открыты? – спрашивает он.

Он показывает на окошко.

Свежий воздух, – говорит женщина. – Угощайтесь.

Она собирается уйти.

Какие величавые горы вон там, – быстро говорит Ричард. – Правда, величавые только по отношению к человеку. Если сравнивать с чем-нибудь типа Швейцарии.

Небось да, – говорит женщина.

Приятно, наверное, жить среди не столь фантастически величавых, более дружелюбных гор, – говорит он.

Дружелюбных? – переспрашивает женщина. – Легко же вам мозги запудрить. Дружелюбный Кернгормс¹³. Да там же можно погибнуть миллионом жутких способов.

Серьезно? – говорит Ричард.

Открытый всем ветрам: грозы, метели, – говорит женщи-

---

¹³ Кернгормс – национальный парк в Хайленде, основанный в 2003 г., где расположен хребет Кернгорм и окружающие предгорья.

на. – Аэродинамическая труба затянет тебя вверх ногами в сугроб, и оттуда больше не выберешься. Неожиданные бураны, в смысле, в любое время года. Даже в разгар лета. Белая тьма, лавины. Когда погода резко меняется, люди могут заблудиться. Откуда ни возьмись туман, хотя всего в паре миль может быть прекрасная погода, в смысле, люди могут загорать на Лох-Морлихе, а там наверху лед и обморожения, и заметьте, никакого укрытия на мили вокруг: ни домов, ни дорог, снег может падать ох как быстро, так что замучишься просто брести по глубокому снегу, и бывает, он аж до пояса доходит. А весной, когда наступает оттепель, тоненькие ручейки, что кажутся вообще зряшными, могут стать очень большими и мощными, и еще есть опасность, когда люди становятся всем весом на вроде бы твердую почву, а на самом деле это вообще-то подтаявший лед над очень глубокой водой, угу, так немало народу потонуло, а ветер, что, бывает, дует в апреле и мае, вообще-то выдергивает кусты и деревья с корнем и швыряет их прямо в тебя.

Надо же, – говорит Ричард.

Женщина смотрит на него с иронией в глазах.

Надо же, – говорит он снова.

Угу, – говорит женщина. – Красиво, не поспоришь.

Да. Ладно. Спасибо, – говорит он.

Он отворачивается, уходя.

А это для лошадей, – говорит женщина. – Для коров. Местный скот.

Простите? – говорит Ричард.

Фонтан Маккензи, – говорит женщина. – Люди говорят, вода была высоко так.

О, – говорит Ричард. – Точно.

Это уж точно, – говорит женщина. – Будьте здоровы! Всех благ!

Маневрируя в своем спальном мешке, она возвращается на переднее сиденье фургона.

Немного постояв на пустой парковке, Ричард возвращается на вокзал.

11:37.

Он проходит к перронам. Снова становится на пустой перрон.

Подумывает о том, чтобы перейти через мост и встать с другой стороны.

Отчасти режиссер.

Звук собственного голоса в ушах ему противен.

За мои грехи. Все, что он говорит, ему противно. *Какое отношение Серру-Ларгу имеет к этому месту?*

Он вдыхает. Больно.

Выдыхает. Больно.

Когда в следующий раз через этот вокзал проедет поезд и здесь остановится, Ричард пролезет в просвет между ним и перроном, ляжет на эти чистые ухоженные пути рядом с колесами, и пусть вагон, под который он заберется, уничтожит его, всем своим весом неудержимо двигаясь вперед.

Ох, ничего, ничего, ничего.

Горы вздымаются застывшими волнами над человеком на станции и домами городка.

Через неделю после ее смерти «Гардиан» напечатала некролог. Его написал один из близнецов. Патрисия Хил, урожденная Хардимен, 20 сентября 1932 – 1 августа 2018-го.

Когда-то ее звали Патрисия Хардимен. Он понятия не имел.

Ее и не подумали назвать Пэдди, хотя этим именем она пользовалась в титрах, и упомянули всего две самые известные из семнадцати работ, которые они сделали вместе: *«Море проблем» (1971)* и *«Энди Хоффнунг» (1972)* – два благо-склонно принятых критикой и весомых ранних эксперимен-тальных спектакля, показанных Би-би-си в телепрограмме *«Пьеса дня»*. В *«Море проблем»* были пойманы первые про-явления того, что позже стало североирландским движени-ем за мир, а *«Энди Хоффнунг»* стал одной из самых ран-них драматических работ британского телевидения, сде-лавших первые шаги к проговариванию того, что случилось с людьми три десятилетия назад во время Холокоста.

«Море проблем»: от Беатрис Поттер до коктейлей Моло-това. О Северной Ирландии тогда почти ничего не было: все-го за пару лет до этого Уикер¹⁴ снял сериал, но его почти не демонстрировали. Слишком рискованно. В «Море проблем»

---

¹⁴ Алан Доналд Уикер (1921–2013) – британский журналист и телеведущий.

камера двигалась так, как движется людской глаз среди реальных людей, фиксируя фрагменты жизни реальных мест, где они жили, и обыденные вещи, которые они говорили, сохраняя анонимность и защищая лица, которых никогда не показывали, а показывали взамен окружающие их предметы, пока они говорили, подмечали, что они делали руками, дым, поднимающийся от сигарет, предметы на кухонных столах или каминных полках: четки, фото монарха верхом, узор на пластиковом столе, рисунок моряка на сигаретной пачке «Джон Плейер», полная или пустая пепельница, чашка, блюдо, чайник на плите, отдраенная керамическая раковина, душистый горошек в окне, обвивающий шпалеру, волосы в бигудях под косынкой, ржавчина на ограждении из гофролиста, полицейская дубинка на крючке у черного хода, старый матерчатый флажок, аккуратно сложенный и спрятанный за кирпичом в деревенской постройке.

Солдат обшаривал ноги длинноволосого подростка в рубашке и джинсах. Солдат махал металлической палкой группке из восьми-девяти женщин. Детские ноги переходили дорогу вдалеке за колючей проволокой.

Люди говорили об этом в парламенте. Люди понимали из этого больше, чем узнавали из тысяч газетных репортажей. Фильм *предугадал Кровавое воскресенье*. (Хотя всякий, у кого был хотя бы один глаз и половина мозга, *предугадывал Кровавое воскресенье*, сказала Пэдди на следующий год, когда газетный критик где-то написал о «Море проблем».)

Ее первая экспериментальная докудрама. Одна из первых в своем роде. Его первое что-то существенное. Его первое что-то хорошее. И вот теперь Пэдди на небесах, как Беатрис Поттер для них обоих на ту пору.

«Энди Хоффнунг»: Пэдди сидела рядом с каким-то мужчиной на концерте Бетховена в Уигмор-холле где-то в конце 60-х. *An die Hoffnung*, – сказал он и улыбнулся ей. Она решила, что так его зовут, и представилась, а потом увидела в программке, что так называлась одна из песен.

Потом они вместе поужинали. (И, наверное, переспали.) Он почти ничего о себе не рассказывал. Но Пэдди, проницательная, как лиса, много всего выведала. Он был наполовину немцем, наполовину англичанином. И максимально пострадал от той и другой нации. Обе отняли у него кучу всего: семью, друзей, дом – он всего лишился, ну и так далее. И при этом я не встречала человека, полного таких надежд, – сказала она тогда. – Не в смысле, наивных. В смысле, глубоких. Разговаривая с ним, я поняла, что подлинная надежда – это вообще-то вопрос отсутствия всякой надежды.

Как такое возможно? – спросил Ричард.

(Он приревновал.)

Не знаю. Но я ушла от него сама полная надежд, а это о чем-то да говорит в моем нынешнем мире, Дубльтык.

Этот мужчина с бетховенского концерта взял ее за руку в клубе, куда они пошли, словно для того, чтобы предсказать ей будущее, погадать, но вместо этого разыграл сценку из

фильма Чарли Чаплина, который смотрел в детстве: Чаплин берет женщину за руку и смотрит на линии на ее запястье или ладони, чтобы сказать, сколько у нее будет детей. Он их считает. Говорит, что будет пять. Потом смотрит на линии на своей руке, считает, и тех оказывается двадцать пять, тридцать, тридцать пять – еще больше.

Потом он беззвучно рассмеялся, – сказала она, – он подражал Чаплину, смеявшемуся, как ребенок.

Как его зовут? – спросил Ричард (ревниво). – Ты спала с ним больше одного раза? Ну и как он? Последнее он сказал лишь мысленно. С тех пор всякий раз, когда она говорила, даже мимоходом, хоть что-нибудь об этом блядском Чарли Чаплине, Ричард знал, что она думает о том «эндихоффнунге», намекает на него – как бы исподволь, будто никто, кроме нее, об этом не догадается, понятия не имея, что Ричард в точности об этом знал.

Она написала сценарий за четыре недели. Он был изобретательный, рассказывал историю, не рассказывая. Раненый бродит по Лондону с душой нараспашку. Вот, пожалуй, и все. Стужа, хмарь. Ему никто не открывает, хотя так или иначе все, к чему он прикасается, распахивается. Он сидит на кухне и держит в руке открытку. Кто-то отправил ее из какого-то лагеря во время войны.

Тут хорошо, – говорит в камеру актер, играющий Энди Хоффнунга.

Он читает то, что написано на открытке.

Но потом, смотрите, – говорит он, – она пишет: *мне бы хотелось побыть с кузеном Еври*. Еври – это было наше кодовое слово для ада. Евридика, мертвая душа. Она говорит, что хотела бы умереть.

Это единственный момент, когда в сценарии всплывает война. Все остальное движется невысказанным под лондонскими мостовыми, щербинами на улицах на месте домов, каменными ступенями у памятников жертвам войны, грязью у реки, Темзой, переменчивой в своих берегах, высокими дверями публичных картинных галерей, запирающимися в пять, припаркованными машинами в полутьме, закрывающимися один за другим рынками: убранные лотки, сломанные ящики и капустные листья – вот и все, что осталось. Он пинает репу из сточной канавы вдоль по улице в спускающихся февральских сумерках.

Хил, урожденная Хардимен.

Ричард закрывает газету и складывает ее.

Пэдди врывается к нему в голову, как в тот первый день – в двери «Висельника». Ах, как она была пленительна! Старше его – на целую семнадцатилетнюю девушку старше, хотя почти любая женщина постарше была бы пленительной для мужчины за двадцать, но она была настолько пленительнее, такой самодостаточной, такой неклассифицируемой, причем неклассифицируемой с самого начала. (*Нет ничего неклассифицируемого*, – сказала она, когда он об этом упомянул, – *это просто ты, остолоп, не можешь что-то классифици-*

ровать.) Только посмотрите на нее, как она курит, словно даже не замечая, что держит сигарету, и откидывается или подается вперед на этом стуле в своей фирменной манере «А мне не пофиг?», пока не скажет именно то, что надо, а говорила она это всегда. Без усилий. Будто в точности знала, что делать с историей. Будто удерживала брак, работу, близких, которых нужно растить, а потом, когда брак распался, почему-то стала еще беззаботнее. Когда в самом конце 80-х развалится на части его собственный брак и Ричард сам развалится на части вместе с ним, он месяц проведет у нее на кушетке. Она поможет ему привести в порядок дом после ухода жены и ребенка. Поможет привести в порядок себя.

Он никогда не встречал такой девушки, как она. Точнее, женщины. Она была не просто девушкой.

(Оскорбительно ли так говорить в наши дни? Он без понятия.)

В тот первый раз он сидел напротив нее в «Висельнике» и задавался вопросом, переспят ли они когда-нибудь. (В наши дни оскорбительно ли *так* думать?) Они переспали. Это было несущественно. Это был единственный несущественный секс в его жизни. Они были выше секса. Женщины, с которыми он переспал за все эти годы, до и после Пэдди, даже та, на ком он женился, тогда уже все испарились, а Пэдди почему-то осталась.

Между повествовательной стратегией и реальностью есть разница, но они в симбиозе, – сказала она ему как-то в 70-х.

Он был у нее дома. Стояла светлая весенняя ночь. Они слушали новости по радио на кухне. Только что вынесли приговор Магуайрам¹⁵. (Все, вместе взятые, они отсидят в тюрьме семьдесят три года, прежде чем приговор аннулируют, а оставшихся в живых выпустят на свободу.) Вердикт, который Пэдди только что вынесла, был как-то связан с приговором Магуайрам. Но Ричард всю жизнь не мог сообразить, что она имела в виду.

Между чем и чем? В чем в чем они?

Она рассмеялась: она впервые смеялась за долгое время, и смеялась так громко, что он перестал обижаться и тоже рассмеялся, и они смеялись, обнявшись. Потом она сказала:

Как и любой другой человек, я люблю классный трах, Дубльтык, а это был очень классный трах. Спасибо.

1 апреля 1976 года.

Позже ничего подобного не было. Они занимались своей работой и своими делами.

Последний апрель. За четыре месяца до ее смерти. Хотя, конечно, еще никто не знает наверняка.

---

¹⁵ 5 октября 1974 г. прогремели взрывы в пабах Гилфорда. Организатором взрывов выступила ИРА. В декабре 1974 г. были арестованы не имевшие никакого отношения к взрывам четверо человек: Джерри Конлон, Полл Хилл, Патрик Армстронг и Кэрол Ричардсон. Конлон был в Лондоне во время взрыва, посещая сестру своей матери, Энни Магуайр. Спустя несколько дней после ареста «четверки» полиция схватила и саму Магуайр, и ее семью, в том числе Патрика «Джузеппе» Конлона (отца Джерри). Эти люди стали называться «Магуайрской семеркой».

Зато сегодня все знают, что это самый жаркий апрельский день, начиная с того года, когда Ричард родился. Об этом говорят по радио и телевизору, будто это было немыслимо давно – другая эпоха.

Впрочем, так оно и есть.

Он заходит в «Мэплинс» за флешкой. Сеть «Мэплинс» скоро закрывается. ПОЛНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ. Магазин выглядит разграбленным. Ричард спрашивает мужчину, с надписью «администратор» на бейдже, остались ли еще флешки. Мужчина качает головой. Слишком поздно Ричард замечает темно-красные ободки у него вокруг глаз: мужчина выбился в люди, вышел на уровень администратора, и вот теперь это уже ничего не значит, все это так ничем и не закончилось.

Жизнь в его понимании подходит к концу, а я спрашиваю о какой-то сраной флешке. Я тупой предмет, – думает Ричард, выходя из разоренного магазина.

Он шагает по тротуару в неестественную жару.

Я такой идиот, – говорит он Пэдди, когда приходит к ней домой. – Как слон в посудной лавке.

Пэдди уже кожа да кости. Почти вся ее ярость тоже перегорела: Пэдди стала относиться философски к вещам, на которые еще злилась всего пару дней назад.

Всего пару дней назад она еще злилась на британское правительство и Ирландию.

Возможно, они не ведают, что творят, – говорила она. – Но

вполне возможно, они точно знают, что делают. Я не прощу их – ни один из тех, кто знает, каково это было, не простит. Разжигать древнюю вражду...

Злилась она и на другое.

Я еще могу понять Брексит, – говорила она. – Множество людей обозлились на демократию по ряду причин. Но я не понимаю Уиндраш¹⁶. Я не догоняю, у меня просто не укладывается в голове Гренфелл¹⁷. Уиндраш, Гренфелл – это же не задворки истории. Это сама история.

Вся история – это задворки, Пэд, – сказал он.

Общественное благо, – сказала она. – Какая ложь! Почему не было протеста в масштабах так называемого Объединенного королевства? В любое другое время на моем веку подобные вещи привели бы к свержению правительства. Что случилось со всеми хорошими людьми в этой стране?

Усталость от сострадания, – сказал Ричард.

В жопу усталость от сострадания, – сказала она. – У этих людей умерла душа.

Расизм, – сказал Ричард. – Легитимированный. Легити-

---

¹⁶ Скандал с поколением Уиндраш – политический скандал 2018 г., связанный с незаконным задержанием и депортацией британских подданных, прибывших в Великобританию до 1973 г., в частности из стран Карибского бассейна, и окрещенных «поколением Уиндраш» (по названию корабля «Эмпайр Уиндраш», доставившего первую группу иммигрантов из Вест-Индии в 1948 г.).

¹⁷ Пожар в 24-этажном здании «Гренфелл Тауэр» в Лондоне, случившийся 14 июня 2014 г. и приведший к гибели 71 человека, в основном выходцев из Африки и Ближнего Востока.

мированный круглосуточный раздор во всех новостях и во всех газетах, на множестве экранов – милость божества бесконечных новых начинаний, божества, которое мы называем интернетом.

Я знаю, что у людей разногласия, – сказала она. – Они были всегда. Но люди никогда не были несправедливыми. Даже британский расизм отступал, когда доходило до несправедливости.

Ты жила в скорлупе, – сказал Ричард.

Не смей меня, – сказала она. – Я ирландка. Я была ирландкой в 50-х. Я была ирландкой, когда быть ирландкой в Лондоне было все равно что быть чернокожей и собакой одновременно. Я знаю британцев как облупленных. Я была ирландкой в 70-х. Помнишь?

Помню, – сказал он. – Я такой же старый, как ты.

Появился близнец.

Успокойся, мам, – сказал близнец. – Ричард. Умоляю. Не заводите с ней разговор о Дональде Трампе.

Мы говорим не о Трампе, – сказал Ричард.

Мы говорим о совершенно, черт возьми, другом, – сказала Пэдди. – Давайте никогда не делать того, о чем мечтает самовлюбленный демагог.

Не надо, умоляю, Ричард, – сказал близнец. – И не говорите об изменении климата, активизации правых, миграционном кризисе, Брексите, Уиндраше, Гренфелле или ирландской границе.

Шутишь? – сказал Ричард. – Чем же еще тогда ее расстроить?

Не называй это миграционным кризисом, – сказала Пэдди. – Я тебе тысячу раз говорила. Это *люди*. Конкретный человек, который, вопреки прогнозам, пересекает весь мир. Помноженный на 60 миллионов: все конкретные люди, все пересекают мир, вопреки прогнозам, которые с каждым днем все хуже. Миграционный кризис. Да ты же сам сын иммигрантки.

Ричард, – сказал близнец, будто матери здесь не было. – Я серьезно. Если наша мать будет и дальше так заводится из-за ваших приходов, нам придется попросить вас больше не приходить.

Через мой, блядь, труп, – сказала Пэдди.

Она становится такой раздражительной, – сказал близнец.

Я не раздражительная, – сказала Пэдди.

После ваших визитов мы не можем заставить ее принять лекарства, – раздраженно сказал близнец.

Ну еще бы, черт возьми, – сказала Пэдди.

Ее, блядь, труп:

Они залечили ее до смерти.

Она была *старой*, она была *больной*, ей *пора было уходить*, у нее не оставалось *фактического качества жизни*. Ораморф-метаморф: одну неделю она была переполнена фактами, остроумием и энергией, а уже на следующей: *что это пиццит? В ушах какой-то писк*. Затем она не могла усле-

дить за разговором, потом ее лицо становилось таким встревоженным, будто что-то пропало, а она не могла вспомнить что.

Хоть она и не переставала употреблять высокопарные слова – выше всех в комнате.

Не надо нам здесь этой психопомпезности, – сказала она на смертном одре.

Хоть она на самом деле никогда не отключалась, даже в бреду под капельницей. *Все они забывают, что Уиндраш – это река, а река обычно вытекает из источника и впадает в другие реки и затем во что-то величиной с океан.*

Ей в самом деле нужна эта капельница? – спросил Ричард близнеца.

Близнец попросил Ричарда выйти из комнаты.

Затем близнец приказал Ричарду выйти из комнаты.

Другой близнец сидел снаружи запертой двери – на стуле, стоявшем на лестничной площадке. Он пялился на свои ступни или на половицы. Проходить мимо него надо было аккуратно, чтобы случайно не столкнуть его вниз по ступенькам.

Ей в самом деле нужна эта капельница? – спросил Ричард другого близнеца.

Что я могу сделать? – сказал он. – У меня нет права голоса. Я не могу ему указывать, что делать. Я младше.

На четыре минуты, – сказал Ричард. – Ты же взрослый мужик. Господи, тебе уже за пятьдесят.

Близнец устался на доски. Ричард прошел мимо, не очень аккуратно, и вернулся к себе на квартиру.

Через десять дней он прочитал в «Гардиан»:

Патрисия урожд. Хардимен.

Но это в будущем. А сейчас еще апрель.

Он рассказывает ей о мужчине в «Мэплинсе».

Полная ликвидация, – повторяет она, словно стихотворную строчку.

А я спрашиваю его про флешки, – говорит он. – Я самый бестактный человек на свете.

Флешки, карты памяти, накопители, – говорит она. – Это приговор. Она то работает, то нет. Память, в смысле. Зависит от ораморфа: из-за него многое накапливается, многое к тебе пристаёт. В основном явное дерьмо.

Она смеется.

Зачем тебе его дают? – спрашивает Ричард. – Тебе что, больно?

Ни капельки, – говорит она.

Я думал, люди принимают его только в самом конце, – говорит Ричард. – А у тебя концом и не пахнет.

Спасибо, – сказала она.

Близнец, уже топчущийся в коридоре, начинает беспокоиться.

А теперь, пожалуйста, уйдите, Ричард, – говорит он.

Да я же только пришел, Дермот, – говорит Ричард.

Пэдди смотрит на близнеца.

Поколение детей, которые понятия не имеют, что когда-нибудь умрут, – говорит она.

Мам, – говорит близнец.

Смерть – это спасение, Дик, – говорит Пэдди. – Это дар. Я смотрю сейчас на Трампа, вижу их всех – новых мировых тиранов, всех вожаков стай, расистов, белых шовинистов, разглагольствующих новых борцов-provokаторов, отморозков по всему свету и думаю о том, какая же это крепкая-прекрепкая плоть. Но и она растает, словно в мае снег¹⁸.

Она говорит это, не отводя взгляда от близнеца.

Я вернусь через минуту с ложкой, мам, – говорит близнец. – Не затягивайте, Ричард. Сегодня она очень устала.

Близнец исчезает на кухне.

Пэдди поворачивается в Ричарду.

Они хотят, чтобы я умерла, – говорит она.

Она говорит это без злости.

Это должно произойти следом, – говорит она. – Такой сюжет. Все естественно, Дубльтык. Дети. Надо благодарить Бога, что они наконец хоть в чем-нибудь между собой согласны.

Она закрывает глаза и снова открывает.

Семья, – говорит она.

У тебя хоть была семья, – говорит Ричард.

Да, – говорит она. – Была. Но у тебя ведь тоже.

Худо-бедно, во многом благодаря тебе, – говорит он.

---

¹⁸ Цитата из стихотворения английского поэта-метафизика Джорджа Герберта (1593–1633).

Она качает головой.

По правде сказать, я бы хотела, чтобы моя была чуточку похожа на твою, – говорит она.

Ха, – говорит он. – Ладно. Погода на улице дебильная. Ты ничего не теряешь, Пэд. Одна из худших весен на моей памяти. Снег вот досюда всего пару недель назад. Минус семь. А сейчас двадцать девять градусов.

Ты не прав, – говорит она. – Одна из самых прекрасных весен в моей жизни. Растения ждут не дождутся, чтобы проклюнуться. Весь этот холод. Вся эта зелень.

так что не могли бы вы прислать нам по этому электронному адресу, самое позднее, к вечеру вторника 18 сентября любые хорошие случаи/истории из жизни нашей матери которые вам хотелось бы включить в наши речи что будут прочитаны 21 числа мы постараемся их встроить большое спасибо а также любые старые фотографии которые у вас возможно есть пожалуйста отсканируйте и пришлите нам мы были бы очень благодарны так как к сожалению потеряли кучу старых фотографий из нашего облачного хранилища когда наша мать стерла их на телефоне а они сами стерлись с айклауда и оригиналы пока что не найдены. Также пожалуйста простите за этот групповой имейл но как вы понимаете много всего нужно организовать, снп Дермот и Патрик Хил.

Что означает снп? – спрашивает он свою воображаемую дочь.

«Самые нудные пидорасы», – отвечает воображаемая дочь.

Он нажимает «ответить».

Тема: Ответ: прощание с Патрисией Хил.

Он стирает имя и слово «прощание» и печатает: *история о*.

Но затем не может заставить себя написать ее имя в поле «тема» рядом со словами «история о».

Он переводит курсор в область сообщений.

Тема: история о

Дорогие Дермот и Патрик,

Спасибо за ваш имейл. Писателем была ваша мать, а не я, так что простите за неудачные выражения, которые, вероятно, будут в этой «истории». Я шлю ее вам, чтобы попытаться выразить, что ваша мать значила для меня. Конечно, я мог бы прислать вам чуть ли не миллион историй, иллюстрирующих, что она значила для меня и для всего мира. Но вот лишь одна из них. Когда 30 лет назад развалился мой брак, а моя жена и ребенок уехали из страны и фактически исчезли из моей жизни, я был очень подавлен, причем довольно долгое время. Однажды ваша мать предложила мне «сводить» моего ребенка в театр или в кино, взять его с собой в отпуск или на выставку – по сути, все, что могло прийти в голову вашей матери, а я должен был сделать над собой усилие, пойти и посмотреть. Я спросил: «Но как же я это сделаю?» Она сказала: «Включи воображение. Своди ее что-

нибудь посмотреть. Поверь, где бы ни находилась твоя дочь, она тоже будет тебя представлять. Так что вы встретитесь в воображении». Я рассмеялся. «Я серьезно, – сказала ваша мать. – Своди ее что-нибудь посмотреть. И скажи, чтобы присылала мне открытку всякий раз, когда вы ходите что-то или на что-то смотреть. Просто чтобы я знала, что ты принял мои слова всерьез». Я решил, что ваша мать была очень добра, но идея показалась довольно дурацкой. Однако, к моему удивлению, я неожиданно для себя занялся именно этим – стал «водить» воображаемую дочь туда, куда сам никогда бы не пошел. «Аркадия», «Кошки» – все большие спектакли. Я посмотрел работы Леонардо в «Хейворде», Моне в Королевской академии, современное искусство, Хокни, Мура, насмотрелся Шекспира, посетил шоу в Куполе тысячелетия¹⁹. Не перечесать тех фильмов и шоу, что я посмотрел в кино, театрах, галереях и музеях по всему миру, и, как ни странно, это может показаться и до сих пор мне кажется, я никогда не был при этом один – благодаря подарку, сделанному воображением вашей матери.

Он перечитывает текст.

И тут же начинает презирать себя за прошедшее время

---

¹⁹ Хейворд-гэллери – художественная галерея в центральном Лондоне. Дэвид Хокни (р. 1937) – английский художник, график и фотограф, представитель поп-арта, один из влиятельнейших художников XX в. Купол тысячелетия – крупное здание в виде купола в юго-восточном Лондоне, построенное для выставки «Millenium Experience», приуроченной к наступлению третьего тысячелетия.

«значила». Что она значила для меня.

Меняет на «значит».

Он презирает себя за все «ваша мать».

Больше всего презирает себя за то, что превратил Пэдди в забавный случай.

Нет ничего, что бы он не презирал.

Он удаляет текст.

Пусто.

Снова читает их имейл.

Думает о фотографиях, потерянных в облаке.

Какое там стихотворение про облака Пэдди нравится? Нравилось. Там еще рифмуется «чрева» и «гнева».

Он пишет в области сообщения:

Дорогие Дермот и Патрик,

Если можно, я бы очень хотел прочитать в память о Пэдди на церемонии прощания то стихотворение про облако, которое ей всегда нравилось. Целое стихотворение, возможно, будет длинновато, но я мог бы прочитать, скажем, пару строчек. Дайте мне знать. Спасибо.

Он добавляет, чтобы повеселить себя и рассмешить воображаемую дочь:

снп,

Ричард.

Последняя открытка, которую он отправил Пэдди, была с облаками. Он отправил ее летом с выставки в Королевской

академии. Пошел туда, поскольку там выставлялась художница, нравившаяся Пэдди: у Пэдди была книга с кучей потерянных фотографий, которые художница находила на блошиных рынках или в лавках старьевщиков. Фотографии были то очень хорошими, то просто заурядными, то убийственно плохими, смазанными или снятыми под ужасными ракурсами – люди, места, машины, животные, деревья, улицы, бетонные здания, нередко вещи, о которых нельзя и подумать, что кто-то мог счесть их достойными фотографирования.

Художница опубликовала их отдельной книгой, оказав им внимание, которого заслуживают только профессиональные фотографии. И тогда произошло какое-то волшебство. Все, что они значили для людей, изображенных на них или фотографировавших, куда-то исчезло. Освобожденные от прежних личностных смыслов, они не просто могли рассматриваться сами по себе, но и словно показывали смотрящему на них, как выглядит мир на самом деле.

Женщина в зимней одежде, в бурном веселье повалившаяся на стену в снегу. Сердитый мужчина рядом с забором, поломанным толстой веткой, возле поврежденного ветром дерева с приставленной к нему лестницей. Женщина с попугаем, сидящим у нее на ладони в дачном саду, две другие наблюдают – одна за столом, другая в окне дома сзади. Собака, стоящая под аркой воды из шланга, освещенной солнцем. Крупный мужчина и маленький ребенок, улыбающиеся в камеру, сидя в катамаране на пруду с лодками. Красная

бабочка с расправленными крыльями, лежащая на снегу.

Когда он увидел имя этой художницы на афишах по всему городу, – в то лето у нее почему-то одновременно открылось несколько выставок в крупных лондонских галереях, – он решил сходить на одну, чтобы удивить Пэдди тем, что догадался это сделать, хоть ему и не велели.

Он показал билетерше свой билет (дорогой).

Толкнул распашную дверь.

В зале галереи пахло всем новеньким, и стены были почти сплошь увешаны картинами с облаками. Они были нарисованы белым мелом на черных грифельных досках.

Но работа, перед которой он остановился как вкопанный, представляла собой картину с горой во всю стену, тоже мелом на грифельной доске – такую огромную, что стена превратилась в гору, а гора – в некую стену. По картине с горой навстречу каждому, кто на нее смотрел, спускалась лавина – лавина, замиравшая всего на секунду, чтобы всякий, кто ее увидел, успел это осмыслить.

Небо над горными вершинами было таким черным, что казалось новым определением черноты.

Когда он там остановился, то, на что он смотрел, перестало быть мелом на грифельной доске, перестало быть изображением горы. Оно стало чем-то жутким, зримым.

Я хуею, – сказал он.

Рядом с ним стояла девушка.

И я хуею, – сказала она.

Куда нам бежать? – сказал он.

Они переглянулись, испуганно рассмеялись, покачали друг другу головами.

Но потом он отступил от горного пейзажа и снова обвел взглядом другие работы в зале, и картины с облаками на стенах, выполненные в той же технике, что и гора, вызвали к жизни что-то еще, но это дошло до него лишь позже, когда он покинул зал и вышел из галереи на улицу.

Они освободили пространство для дыхания – вблизи чего-то, захватывающего дух. После них реальные облака над Лондоном казались уже другими – тем, что можно было воспринимать как пространство для дыхания. Что-то произошло и со зданиями под ними, с транспортом, с тем, как пересекались дороги, с тем, как люди проходили мимо друг друга на улице, – все стало частью конструкции, которая не знала о том, что она конструкция, но в то же время была ею.

Он сел на ступеньки у черного хода в галерею и перевернул открытку с горой. Тасита Дин, «Письмо из Монтафона», 2017, мел на черной доске, 366×732 см²⁰. Он взял ее в руку – как будто *можно* держать в руке картину такого масштаба! – и обвел ручкой размеры, чтобы Пэдди могла получить представление. Он указал домашний адрес Пэдди. *Все, что может значить гора*, – подписал он над именем художницы. – *Отлично провожу время. Жаль, тебя нет.*

---

²⁰ Тасита Дин (р. 1965) – современная британская художница, с 2000 г. живет в Берлине.

Потом он передумал.

Засунул открытку с горой в задний карман.

Взамен он подписал самую большую и длинную открытку, которую купил, – одну из трех взаимосвязанных, но отдельных картин с растущей массой облаков. На этой открытке картины производили вместе впечатление движущихся и в то же время неподвижных, словно окна, кадров. Эта ей понравится. Тасита Дин, «Благослови нашу Европу», триптих, 2018, распыленный мел, гуашь и угольный карандаш, грифельные доски, 122×151,5 см; 122×160,5 см; 122×151,5 см. *Дорогая Пэдди, весть с облаков. Отлично провожу время. Жаль, тебя нет.*

Он наклеил две марки первого класса, иначе бы ей пришлось доплачивать, и поспешил на почтамт у Пиккадилли, чтобы успеть до последней выемки и открытка пришла уже завтра.

Сейчас он сидит за столом у себя в задней комнате.

Сентябрь.

Пэдди уже истлела в земле.

Он смотрит на только что отправленное письмо. В поле «тема» так и осталось *история о...*

(Моя самая любимая открытка – вот эта, – сказала ему Пэдди пару лет назад, показав фотографию моста в Риме.

А, эта, – сказал он. – Да, помню.

Она зачитала, что он написал на обороте:

Дорогая Пэдди, мой отец весь в слезах, потому что

старик, который обычно играет на саксофоне на этом мосту, с маленьким кустарным тентом над головой, прикрепленным к плечам, словно дополнительный инструмент в экипировке человека-оркестра, будто тень тоже должна быть его частью, одним из инструментов в жаркой стране, исчез в этом году вместе с тентом и всем остальным, а вместо него какой-то другой мужик гораздо моложе лабает через усилок на отстойной гитаре. Иногда и вообще никто не играет. Мой отец – старый сентиментальный дурак. Но об этом ты уже знаешь. Каждый день он заставляет меня ходить и проверять этот мост – не вернулся ли саксофонист. Не считая этого, отлично провожу время. Жаль, тебя нет.

Знаешь, я храню их все, – сказала она. – Сижу иногда и читаю одну за другой. Или тасую и по одной сдаю. Как гадание по картам Таро – каким будет день.)

История о... Ричарду интересно, что теперь станет со всеми этими открытками от их воображаемого ребенка.

Мусорный контейнер.

Он пожимает плечами.

Пока он думает над этим, во входящих появляется письмо.

Тема: Ответ: церемония прощания с нашей матерью

Дорогой Ричард

нам очень жаль но на церемонии будут выступать только близкие родственники. Передадим ваше предложение о сти-

хотворении спасибо но у нас уже и так оч насыщенная программа. Намечается оч особенный день. С радостью ждем вас в пт, снп Дермот и Патрик Хил.

Он откидывается на стуле.

Не ходи, – говорит воображаемая дочь.

Как можно? – говорит он.

Мы не обязаны, – говорит она.

Я не могу. Я должен почтить ее память, – говорит он.

Тогда почти ее по-настоящему, – говорит она.

Субботним вечером октября, за пару дней до того, как он сядет на поезд на север, наивно полагая, что, сев на поезд в какое-нибудь другое место, сможет убежать от самого себя или пережить самого себя, Ричард наконец открывает последний имейл Терпа.

Это новые варианты сцен.

Он должен был прочитать и прокомментировать их ко вчерашнему дню, чтобы обсудить на встрече в понедельник.

Их десять. Он открывает первую. Действие происходит в вагоне канатной дороги.

НАТ. ВАГОНЫ КАНАТНОЙ ДОРОГИ В
ЗАСНЕЖЕННЫХ ГОРАХ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
ДНЯ

Все вагоны останавливаются. Вагон с Кэтрин и Райнером слегка покачивается на канате. На дереве каркает ворона.

ИНТ. ВАГОН РАЙНЕРА И КЭТРИН

В ЗАСНЕЖЕННЫХ ГОРАХ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Райнер смотрит на Кэтрин с противоположной деревянной скамьи.

РАЙНЕР

Даже не думал обрести в Швейцарии такую любовь. Кто знал, что эта страна преподнесет мне такой подарок? Я написал для тебя стихи. Вечером прочитаю.

Кэтрин улыбается. Она закрывает глаза. Снова открывает.

РАЙНЕР

Мне бы хотелось положить на твои веки по розовому лепестку. Хотелось бы, чтобы тебя пробудила их прохлада, а сами розы пробудил взгляд твоих глаз, что согревают природу теплом, даже когда они закрыты и ты спишь. Знаешь, я тоже люблю розы. Мне бы хотелось, чтобы розы вошли в тебя, а ты вошла в розы. Прямо сейчас. Закрой глаза.

Кэтрин на минуту задерживает на нем взгляд. Затем послушно закрывает глаза.

НАТ. ВАГОНЫ КАНАТНОЙ ДОРОГИ
В ЗАСНЕЖЕННЫХ ГОРАХ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

ИНТ. ВАГОН ДЖОНА. ПРОДОЛЖЕНИЕ. ВТОРАЯ

ПОЛОВИНА ДНЯ

Джон, приехавший из Монтаны, замечает Кэтрин и Райнера в неподвижном вагоне напротив своего. Сначала он доволен. Вероятно, они поднимаются навстречу ему. Он стучит по стеклу своего вагона, пытаясь привлечь их внимание.

ДЖОН

Тиг! Тиг, солнышко!

НАТ. ВАГОН ДЖОНА. ПРОДОЛЖЕНИЕ. ВТОРАЯ
ПОЛОВИНА ДНЯ

Видно, как Джон за стеклом кричит: «Привет!», но его не слышно. Шумит ветер, каркают вороны. Он беззвучно колотит рукой по стеклу.

Минуту спустя Джон видит то, чего предпочел бы не видеть.

Он колотит обеими руками, а затем и всем телом по стеклу вагона.

НАТ. ВАГОНЫ КАНАТНОЙ ДОРОГИ.
ПРОДОЛЖЕНИЕ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Один вагон в ряду висящих вагонов довольно сильно раскачивается.

ИНТ. ВАГОН РАЙНЕРА И КЭТРИН.
ПРОДОЛЖЕНИЕ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Кэтрин и Райнер, засунувший руку под платье Кэтрин в пальто, прерывают поцелуй. Сначала Кэтрин, а потом и Райнер замечают сильно раскачивающийся вагон напротив, с мужчиной, молотящим в тишине по стеклу.

РАЙНЕР

Это небезопасно. Так ведь можно... Боже правый. Кэтрин. Кажется, это твой му... это случайно не твой...?

НАТ. ВАГОСН РАЙНЕРА И КЭТРИН.
ПРОДОЛЖЕНИЕ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Кэтрин плотно прижимается к стеклу, Райнер за ней не в фокусе. Испуганное лицо Кэтрин.

Черт возьми.

Он прикладывает ладони к глазам. Громко вздыхает. Закрывает крышку ноутбука.

Он тянется за романом в стопке книг на полке над телевизором. «Апрель» Беллы Пауэлл. Открывает где-то на середине.

...ибо это был звук гонга, который вновь возвещал время ужина: скорее спускайтесь! скорее! призывал он вновь гостей одеваться к ужину, одеваться под стать белоснежным скатертям, скорее спускаться в Столовую гранд-отеля «Шато Бельвю» с таким чистым кафелем на полу, что ножки стульев и ножки столов отражались в нем, наводя на

мысль о том, что, наверное, существует другой мир под исподом этого мира, другая столовая, симметрично подвешенная вверх тормашками в точности под этой, касающаяся ее в пока еще неведомых точках, и это точки перехода в другой мир – мир, полный наших возможных, иначе выверенных «я», мир, недостижимый из нашего повседневного мира, но все же связанный с ним, и вот здесь появлялся минутный доступ, мимолетное видение, вступление в этот другой мир со всеми его возможностями. Ведь Столовая была миром, в котором даже явно противоположные миры могли проникать друг в друга, обычно посредством чего-то решительно заурядного, к примеру, сегодня в гранд-отеле это было блюдо из лосося – просто блюдо из лосося в дальнем конце столовой; сегодня буфет в конце комнаты был уставлен такими блюдами – огромный лосось вместе с головой, окруженный маленькими лангустами, расходящимися от его боков, подобно солнечным лучам, а под лососем и лангустами были рассыпаны десятки розовых лепестков, на которых их выложили. Увидев этих маленьких лангутов, разложенных таким образом, *она*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.